
ПРЕПОДОБНЫЙ ИУСТИН
(ПОПОВИЧ)
ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Преподобный Иустин
(Попович)

ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОПАСТИ

Перевод с сербского
М. Н. Яценко
под редакцией канд. филол. наук
Е. И. Якушкиной
Общая и научная редакция канд. ист. наук
А. Г. Дунаева

Преподобный Иустин (Попович)

И 84 Философские пропасти. — 2-е изд., испр. — Издательский Совет Русской Православной Церкви, М., 2005. — 288 с.

ISBN 5-94625-082-5

Впервые публикуется русский перевод цикла философско-литературных очерков выдающегося сербского богослова и патролога XX века архимандрита Иустина (Поповича), хорошо известного в России. Автор прослеживает пути человеческой мысли к обретению истины о мире и человеке, проложенные, с одной стороны, гуманистической философией, а с другой — православной философией Богочеловека. Эти два пути архимандрит Иустин открывает читателю в учениях римокатолической и православной Церкви, философии Метерлинка и Достоевского, идеологии западного человека и русских и сербских святых.

Удивительный сплав богословия, философии, художественного повествования и лирики, вылитый в особом языке и стиле, имеет немного аналогов в современной христианской литературе. Перевод, тщательно отредактированный и по возможности сверенный с первоисточниками, ориентирован на широкие читательские круги, интересующиеся православной мыслью и духовностью.

© Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2005 г. Все права защищены. Любая перепечатка, включая электронные формы, без письменного разрешения владельца авторских прав будет преследоваться по закону.

ISBN 5-94625-082-5

Архимандрит Иустин (Попович) (1894–1979) — один из величайших деятелей Сербской Православной Церкви XX века, в 1993 г. прославленный в лике местночтимых святых и глубоко почитаемый на православных Балканах. Отец Иустин пришел в этот мир и ушел из него в один день — 25 марта (7 апреля), в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы.

Отец Иустин долгие годы занимался преподавательской деятельностью в духовных семинариях Югославии и на богословском факультете Белградского университета. В 1948 году он удалился в монастырь Челие (западная Сербия), где до конца жизни занимался творческой, переводческой и издательской деятельностью.

Архимандрит Иустин оставил после себя богатейшее богословское, философское и агиографическое наследие, основу которого составляют трехтомная «Догматика Православной Церкви, или Православная философия истины» (1932–1978) и «Жития святых» в двенадцати томах (1972–1978). Ему принадлежит также целый ряд крупных научных исследований и философских произведений: «Проблема личности и сознания по святому Макарию Египетскому» (докторская диссертация, 1926), «Философия и религия Ф. М. Достоевского» (1923), «Прогресс в мельнице смерти» (1933), «Начальное богословие» (1939), «Достоевский о Европе и славянстве» (1940), «Святосаввие как философия жизни» (1953), «Философские пропасти» (1957), «Человек и Богочеловек» (1969), «Православная Церковь и экуменизм» (1974); ряд неизданных толкований на Священное Писание (Евангелия от Матфея и Иоанна, послания св. апостола Павла, св. Иоанна Богослова) и переводов богослужебных текстов на сербский язык, используемых Сербской Церковью (Св. Литургия, Треники, Молитвослов и пр.).

Многие работы архимандрита Иустина переведены на греческий, французский и русский¹ языки.

«Философские пропасти²» — это сборник философских очерков, соединяющих в себе черты проповеди, притчи и научного исследования и исполненных сильным лирическим началом. Эти очерки воспроизводят путь человеческой мысли, пытающейся постигнуть устройство мира, смысл жизни и смерти, «разбивающейся в скалах» гуманистической философии и находящей покой в философии православной. Лирическое по жанру, это произведение поэтично, образно, насыщено развернутыми метафорами и художественно по языку.

В целях сохранения образной структуры текста, язык и стиль перевода максимально приближен к оригиналу и по возможности отражает синтаксическое и лексическое своеобразие сербского текста (сохранены авторские лексические новообразования, окказиональная сочетаемость и формообразование), за исключением цитируемых текстов. Фрагменты Священного Писания, которые в авторском тексте, как правило, передаются по-сербски, в настоящем издании приводятся в церковнославянском переводе. Разрывы в цитатах из Священного Писания помечаются многоточием, в том числе в тех случаях, когда в оригинале они даются сплошным текстом. Если цитаты из творений святых отцов в тексте оригинала заключены в кавычки и перевод архимандрита Иустина с греческого языка на сербский не имеет значительных расхождений с русским переводом, то эти фрагменты приводятся согласно русскому переводу. В противном случае в основном тексте сохраняется авторский вариант, а текст русского перевода дается в примечании. Цитаты из русскоязычных авторов приводятся в ориги-

¹ Православная Церковь и экуменизм. М., 1997; Достоевский о Европе и славянстве. СПб., 1998; На богочеловеческом пути. СПб., 1999; Молитвенное богословие о церкви // Альфа и Омега. 1999. № 19; Осужденные на бессмертие // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 4; Толкование на послание ефесянам святого апостола Павла // Альфа и Омега. 2000. № 24; Православная философия истины: Статьи. Пермь, 2003; и др.

² Серб. *урвине* — «обрывы, отвесные скалы, пропасти». В сербском фольклоре это слово употребляется также как топоним, ср. *Урвин-Планина* — место смерти легендарного эпического богатыря Марко Краевича. (*Прим. пер. и ред.*)

нальном варианте, а из иностранных — в обратном переводе с сербского (кроме специально оговоренных случаев). В тексте перевода сохраняется авторское написание прописных-строчных букв. Дополнительные примечания составлены переводчиком и редакторами (см. соответствующие пометы). Информация, принадлежащая редакторам и включенная в текст авторского примечания, заключена в квадратные скобки.

Перевод выполнен по изданию: *Др. Јустин Сп. Поповић, професор Универзитета. Философске урвине*. [Белград], 1957 (Библиотека Свечаник, 23) (репр.: Београд, 1987).

В настоящую книгу включено послесловие к сербскому изданию 1987 г., написанное учеником архимандрита Иустина, епископом Банатским (ныне Черногорским) Амфилохием.

Е. И. Якушкина

Предисловие ко второму изданию

Во втором издании (первое вышло в 2004 г.) исправлены замеченные опечатки. Обратные переводы цитат на с. 192–195 из книги И. К. Сурского ([Т. 1.] Белград, 1938) исправлены по русскому оригиналу по переизданию: *Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский*. Т. 1–2. Паломник, 1994. Дополнены ссылки на русские переводы в прим. 48 на с. 138 и прим. 49 на с. 141, установлена цитата в прим. 119 на с. 175.

А. Г. Дунаев

От издателя

По словам самого автора, блаженной памяти отца Иустина, сборник «Философские пропасти» составлен в период между двумя мировыми войнами в некоторые дни и ночи». Опубликованный впервые в 1957 году в издании библиотеки «Свечаник»¹, как остро востребованный, он скоро стал малодоступным широкой читательской среде. Публикуя его вновь, мы уверены, что эти статьи и сегодня не менее актуальны, чем в то время, когда были написаны; более того, мы уверены, что они стали гораздо актуальнее и ближе современному читателю, чем читателю вчерашнему; мы убеждены, что и в будущем они будут востребованы гораздо более, чем сегодня.

Не только язык и стиль, которыми эта книга написана, причины ее нестареющей новизны. Основная причина в ее содержании: в бытийной, непосредственной ожесточенной борьбе с вечными «проклятыми» вопросами смысла человека, его сознания, действительности мира, времени и пространства. В самом деле, отец Иустин в своих «Философских пропастях» исповедуется небу и земле: исповедует свой человеческий трагизм, «радости и горести» своей мысли и ощущения, свои «скорби и желания», свою пламенную веру в Христа Богочеловека. Зажигая свою неугасимую лампаду перед Его чудесным Ликом, он непрестанно в нее доливал вместо масла, по собственному его признанию, свою кровь, каплю за каплей, кровь из своего сердца, взволнованного тайной Его миров!

Сам автор, в действительности, — это та самая «серна в потерянном рае», в чье сердце «кто-то собрал всю тоску из всех миров», и так появилось «вселенское чувство скорби». Для него нет ничего более непонятного, чем

наш «мыслящий человек», который в большинстве случаев напоминает ему «шелкопряда, что ревниво прячется в свой кокон», человека «недалеких, сухих мыслей, который весь зарылся в кору этой планеты, как клещ в овечью шерсть». И ничего не видит, кроме этой коры. «А над ним пылают бесчисленные светила... грохочут бесчисленные миры». Окаменевший перед человеческим трагизмом и злом, ошеломленный Тайной, распаленный верою в живого Христа, таким был и таковым остался Иустин Челийский — один из самых оригинальных философов, что когда-либо писали на сербском языке...

Наш народ породил многих умных, великих и даже святых людей. Среди них, особенно в новое время, исключительное место, которое никто из здравомыслящих людей не может оспорить, занимают трое. Это три пустынножителя: Цетиньский, Охридский и Челийский. Владыка Петр II Негош, Владыка Николай² и отец Иустин. Исключительность и неповторимость этой богомудрой троицы состоит преимущественно в том, что каждый из них, по-своему, соединил в себе философа, богослова и поэта. Такой сплав — редчайший, но и самый благоуханный цветок, что приносит земля. Соединить в себе философа, богослова и поэта — значит осознать глубину бытия и твари, опытно встретиться с Тайной, на которой почивают все существа и вещи и к чьей полноте стремятся; перелить это знание и этот опыт в самое образцовое, самое красивое человеческое слово — поэтическое. «Философские пропасти» — это неоспоримое доказательство наличия этого тройственного соединения в вулканической и богопламенной душе и христолюбивом сердце отца Иустина.

А кто знал его, тот знает, что эта вулканическая богопламенность и детское христолюбие не покидало его до последнего вдоха. Все в нем было до последнего дыхания живо и мудролюбиво, по-детски открыто и исполнено восторга перед всяким новым открытием и Божиим чудом: в цветке, в глазах, в человеке и в мире. Вспоминаю, как он, уже на закате своей земной жизни, провожая Комнена Бечировича и указывая на цветы, посаженные рукою смиренной монахини, сказал: «Брат Комнен, захвати с собою взглядом своим эту красоту, в Париже

¹ Святцы (серб.) (прим. пер.).

² Имеется в виду архиеп. Николай (Велимирович) (прим. ред.).

этого нет...» Его родственник, поэт Матия Бечкович, рассказывает о своей первой встрече с ним: «Он сказал нам: «Болен я, тяжело мне Вас принять». — Но он все же пришел. Я ждал, что вынесут его на носилках, а он, как пламя, продвигался к нам через траву...» Осенью, перед его кончиной, мы (о. Афанасий и автор этих строк) разговаривали с ним перед монастырским двором о многих вещах, в том числе и о философии. Он внимательно, по-детски любознательно слушая, встревоженно произнес: «Вот, я бы был каким-нибудь взбалмошным философом, вроде слабоумного и тоскливого Ницше, если бы не встретил Господа Христа моего!..» И зарыдал, и из его, как небо, голубых, чистых глаз потекли два потока слез. Таким же трепетным и живым остался он и на своем смертном одре, но уже охваченный «миром, что превосходит разум», и сияя небесным светом...

Таким был автор этой редкой и исключительной книги с уникальным, а потому и совершенно отвечающим ей заглавием, соответствующим автору и ее содержанию, — «Философские пропасти»³.

*Епископ Банатский Амфилохий
(Радович)*

1987 г.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ

³ Библиографию архим. Иустина (Поповича) см. в: Богословье. 1980. 1–2. С. 149–164.

Предисловие

Не есть ли жизнь человека на земле паломничество по безднам? Ведь всякий серьезный вопрос, который человек задает себе или мир — человеку, уводит его мысль в бездну. Вопрос истины разве не есть бездонная проблема? В поисках истины, пробиваясь к ее святилищу, мысль человека всегда пробирается через страшные пропасти. А проблема справедливости, а проблема добра, а проблема зла — все сплошь пропасти и горные ущелья, паломничества, мучительные и тяжелые, разве нет? Ненасытная же мысль человека, гонимая неким врожденным инстинктом, страстно бросается из проблемы в проблему и никак не может насытиться. И так вечно, до тех пор пока ее не подчинит себе двуединая проблема: проблема Бога и человека, по своей сути, всепроблема, от решения которой зависит судьба человека во всех мирах.

Ты устремился за тайной человека? И натолкнулся? Разумеется, на ужасные пропасти, где вдребезги разбивается и твой разум, и твое сердце, и твоя совесть. О! Через какую тьму и через какие пропасти ведет путь к истине о человеке! Здесь мысль сходит с ума от боли, от муки, от стога, как будто ты шагнул в бесконечный ад, где тиранически господствует плач и скрежет зубов. И все это будет продолжаться до тех пор, пока за всеми этими тьмами и безднами не найдешь херувимскую суть человеческого существа — Бога. Тем самым ты вступишь на путь света, ведущий к совершенному решению всех важнейших проблем человеческого существа во всех жизнях.

Атом? Какая бездна бесконечно великого в бесконечно малом! А песчинка? Здесь вступают в состязание бесчисленные тайны, разбиваясь в ее бескрайних пропастях. Действительно, есть ли что-либо в нашем земном мире,

что не было бы пропастью для человеческой мысли? Лепесток фиалки, о милый соловушко, разве не является голубой пропастью для утонченного ума твоей поющей души? Клекот парящего в небе орла, жужжание медоносной пчелы — разве это не бездна какой-то чудесной силы, необъяснимой для твоего ума, для твоего разума, о homo sapiens! о homo faber!¹ А когда твое око всерьез всмотрится в лицо ближнего твоего, сколько тайн и загадок оно обнаружит в нем? И каждая из них — пропасть! Человек, есть ли тебе отдых в этом мире? Где бы душа твоя ни легла отдохнуть, одр под ней уже превращается в горящие угли, в прокрустово ложе. А ты, мысль, откуда ты забрела в человека, в его крошечное тело? Что может быть мучительней тебя, всякая твоя пропасть проникает ниже бездны, всякая твоя скала вздымается выше видимого, всюду ты бескрайняя и бесконечная. А ты, чувство, близнец ли ее, или предок, или потомок, или родитель?

Много трещин в уме человеческом, много расселин в сознании человеческом, еще больше в сердце человеческом. А они кошмарнее и страшнее всех пропастей в мире около человека. Откуда они? От зла нашего, людского, человеческого; от греха нашего, людского, человеческого. Ибо грех — это и есть землетрясение, так как грехи это и есть землетрясения, переворачивающие всю душу, и ум, и сердце и образующие в них каменные ущелья, расселины, скалы. И мы скитаемся по ним, по своим внутренним бездонным развалинам. При этом всякий грех — болезнь ума, болезнь сердца, болезнь души, болезнь, всегда рождающая из себя смерть и все, что смертно. Но сверх всего всякий грех — ад, до тех пор пока он в сердце, в душе, в уме. Кто этого не ощущает, еще не воспитался в человека, его мысль еще полна *непрестаемого греха и питается лестями своими* (2 Пет. 2, 14.13). Всеми своими силами грех совершает одно: обезбоживает и обезчеловечивает человека. Ибо грех тем и есть грех, что вся его природа против Бога, и не желает Бога, и вытесняет все Божие, все божественное. Но вытесняя из человека Божие и божественное, грех прежде всего вытес-

¹ Человек разумный; человек творящий (лат.) (*прим. ред.*).

няет из него все, что делает человека существом дорогим и божественно драгоценным, существом непреходящим и божественно бессмертным. Процесс обезбоживания человека в то же время всегда есть процесс обезчеловечивания человека. По сути, это двуединый процесс. В нашем земном мире очевидна реальность: чем меньше Бога в человеке, тем меньше человека в человеке. А в безбожнике есть ли человек вообще? Безбожник — всегда неминуемо и без-человек, а тем самым и не-человек.

Человеческая мысль, только погрузившись во Все-мысль, излечит себя от всех ран, полученных в скитаниях по безднам, исцелит себя от всех болезней и спасет себя от всех смертей, из которых первая — отчаяние, вторая — скептицизм, третья — релятивизм, четвертая — позитивизм, пятая — пессимизм и вообще всякий вампиризм, который есть не что иное, как замаскированный демонизм. А демонизму одно имя — легион. Погрузившись во Все-мысль, человеческая мысль принимает крещение и причащается Вечного, Богочеловеческого, и тогда никакие ураганы не смогут унести ее в отчаяние, в страх, в вампиризм, в демонизм, в ад. Однако прежде всего требуется знать, что только в Богочеловеке человеческая мысль постепенно преобразуется во Все-мысль и во Всесмысл. Вне Богочеловека человеческая мысль полностью бессмысленна. Только воздвигнутая на Вечном, то есть на Богочеловеческом, она преодолевает все смерти и расправляется со всяким демонизмом, откуда бы он ни подобрался к ней.

Размах человеческой мысли беспределен и бесконечен, так как она происходит от Беспредельного и Бесконечного. А в нашем человеческом мире мы всем своим опытом знаем, что только Богочеловек Христос есть этот Беспредельный, этот Бесконечный и этот Вечный. Поэтому только в Нем мысль человеческая находит и проходит все преобразования от небытия ко Всебытию, от смерти к Бессмертию, от бренности к Вечности. В Нем, только в Нем мысль человеческая преобразуется в богомысль, всякая мысль — в богомысль, а в этом и есть спасение человеческой мысли от бессмысленности, ее обожение и ее

превращение в слово, в смысл. До этих пор мысль для человека — это тяжелейшая обуза, и величайшая мука, и чернейший ад, и, увы, всемука и всеад. А раем и всераем мысль становится для человека только Богочеловеком и в Богочеловеке. А если это не так, то докажите мне это, мученики мысли, и я всем сердцем, и всею душою, и всем умом пойду за вами. А до тех пор, до тех пор, до тех пор я во имя человека остаюсь весь с Богочеловеком... Богочеловек? Где Он? Да вот же Он: за каждой пропастью, вечный спаситель из любого ада, из любой смерти, из любого греха, из любой муки, и всегда радость и благая весть, единая, вечная радость и единая, вечная благая весть для человеческой мысли, для ощущений, для совести, для души. И так во всех мирах, во всех жизнях, во всех вечностях.

Все человеческое — это проклятие, ад, до тех пор пока оно не преобразится в Богочеловеческое. С Богочеловеком все человеческое становится раем, раем, раем. И нет предела твоей радости, человек, оттого что ты человек, ибо только Им и в Нем ты ощущаешь, что ты вечный человек, небесный человек, херувимский человек, боголикий человек. Мука, всемука, о мои бранные братья и собратья, быть человеком без Богочеловека Христа; а радость и всерадость быть человеком с Богочеловеком Христом. Эту муку и эту радость я излил в этих «Философских пропастях». Это исповедь от начала до конца. И в ней вся душа, со всеми своими распятиями, но и со всеми своими воскресениями. Люди искренно сходят во всякую смерть, во всякий ад; а из них и меня, и тебя изводит и воскрешает только Богочеловек Христос — воскресший Господь, Единый Победитель смерти и Единый Спаситель от греха во всех мирах, видимых и невидимых, поюсторонних и потусторонних.²

Воздвижение, 1955 г. Монастырь Св. Челие.

² Эти «Философские пропасти» писались по складам между двумя мировыми войнами в некоторые дни и ночи и были готовы к печати до второй мировой войны. Но с тех пор заснули в своем приятном уединении, чтобы увидеть во сне свое небытие и однажды от прикосновения духа Воскресшего пробудиться на Всебытие.

I.

АГОНИЯ ГУМАНИЗМА

СРЕДОТОЧИЕ ТРАГИЗМА

Всякий человек — пленник тайн, ибо всякий осажден тайнами. Со всех сторон они собираются вокруг него и наваливаются на него. Каждое явление излучает тайну, а каждая тайна — бесчисленное множество тайн. Нет ни одного создания, которое бы не носило в себе тайну. Тайна рядом с тайной, тайна на тайне — так и образовался мир. Человек заключает в себе некую праисконную центростремительную силу, притягивающую ко всему таинственному. И привлекает к себе все тайны, и они устремляются к нему, окружают его со всех сторон.

Каждое чувство человека окружено бесконечными физическими тайнами. Из всякой твари во всякий атом человеческого существа смотрят чудесные тайны. И самая маленькая тайна развивается в тайну вселенскую, в тайну бесконечную. Столкнувшись с одной из них, человек сталкивается разом со всем тем, чему нет конца. Последняя тайна всякого явления и всякой твари обвита бесконечностью. Тайна единой мельчайшей водяной капли настолько огромна, что в ней захлебнется весь человек: и его чувства, и ум, и мысль. Если до конца проанализировать каплю, то можно обнаружить, что она состоит из невидимых и неосязаемых частиц, которые зовутся атомами, электронами и праэлектронами. Так учит современная химия. Видимая капля основана на невидимых частицах; осязаемая капля — на неосязаемых атомах; конечная капля своей сущностью уходит в бесконечность. Это химическая бесконечность.

Но существует и физическая бесконечность. Современная физика имеет свою бесконечность, ибо все свои

построения основывает на гипотезе об эфире, «который неосязаем, и неподвижен, и сам по себе незаметен».

Так, современная физика и современная химия всякое явление и всякую вещь сводят к чему-то невидимому, к чему-то сверхчувственному, к чему-то бесконечному. И действительно, бесконечность есть конец всякой, на первый взгляд, конечной материи. Все физическое в своей основе метафизично. И в самом крошечном создании укоренена бесконечность, которую человек не может уловить ни чувствами, ни мыслями. Все конечное основано на бесконечном. Существует некий необъяснимо загадочный переход конечного в бесконечное, переход, не подлежащий никакому чувственному или логическому анализу. Все, что кажется чувственным, в действительности сверхчувственно; все, что мыслимо, в действительности превышает мыслимого. Возможность осмыслить мир несравненно уже и мельче реальности мира. Поэтому и эта возможность бесконечна с каждой стороны своего существования. Если человек намеренно не укорачивает свои мысли и намеренно не сужает свой дух, то в этом мире он должен чувствовать себя мыслящей скорлупкой в бурном море бесконечности.

Таинственность мира бесконечна, это должен ощущать всякий, кто хоть однажды беспристрастно заглядывал в тайну мира. Но и тайна человеческого существа не меньше и не короче. Если человек обратит взгляд на себя, то он встретит несказанную таинственность. Подумайте, человек не в состоянии объяснить себе, как в нем самом происходит переход из чувственного в сверхчувственное, из тела в дух, из бессознательного в сознательное. Природа его сознания и мысли непонятна для него. Возможности осмысления мысли гораздо меньше и уже, чем природа самой мысли. Точно так же — возможность осмысления чувств и их деятельность. Все это утопает в некой внутренней бесконечности. Бесконечность и извне, и изнутри, а бедный человек между ними. Печальная Соломонова мудрость рыдает и захлебывается в плаче по душам угрюмых жителей нашей планеты: «Все так мучительно, что человек не может и высказать, ни око

не может наглядеться, ни ухо — наслушаться». А я бы прибавил и от своего горя: мысль не может намислиться, ни чувство начувствоваться; все в человеке вечно алчет и вечно жаждет.

Опасно быть человеком, опасно быть зажатым между двумя бесконечностями, соревнующимися между собою в таинственности и загадочности. Человека пленяет и та, и другая. Неодолимые и неумолимые, они неумоимо и ревниво борются за несчастного человека. Два мира-сгустка атакуют человека всеми своими бесконечными ужасами. И он, измученный и израненный, хочет освободиться и от одного, и от другого мира, но не может без них и вне их. Такова его судьба.

Трагично быть человеком, ибо человек стал средоточием трагизма, средоточием всего, что трагично и в горнем, и в дольном мире, и во внешней, и во внутренней бесконечности. Через человека прозрела всякая боль, в нем разболелась всякая тварь, через его око проплакало горе всякого существа. Он больной, несущий на своих плечах болезнь всеобщего существования. В нем, как в линзе, собран весь трагизм мира, и он беспомощно сжимается и мечется на одре своей немощи.

Ужасно быть человеком, так как в своем маленьком теле он носит две бесконечности. Он матка, к которой слетаются все рои всевозможных ужасов горнего и дольного мира. Куда бы он ни направился, за ним следуют необозримые рои ужасов. Мысль его, если погрузится в мистирию миров, то всегда встретит нечто страшное и ужасное. Жизнь в таком мире вселяет безграничный ужас и в человеческие чувства, и в человеческую душу, и в человеческое тело. И он отчаянно борется с чудовищной тайной миров.

Эта опасность, эта трагичность, эта ужасность и пробудили внимание человека ко всем проблемам, всем тайнам, и он весь рассеялся в них. Нет вещи и нет явления, пред которым бы человек не согнулся в знак вопроса или перед которым бы не вытянулся в знак удивления. Точно так же нет и вопроса, который бы не увлек человека в свою бесконечность. Ибо всякий вопрос выводит

человека за границы человеческого, делает его трансчеловеческим, транссубъективным, соединяя его с природой исследуемого предмета и потопляя его в бесконечности. За вопросом следует вопрос, и нигде нет ни конца вопросам, ни края ответам. Уж в чем, в чем, а в вопросах своих, в проблемах своих человек бесконечен. Но и вопрошающее сознание, и исследующий дух не бесконечны ли, если могут порождать бесконечные вопросы?

Когда бы человек был конечен, тогда бы и проблемы его, и устремления были конечны. Конечное легко регистрируется, классифицируется и формулируется. Но кто может составить исчерпывающий реестр человеческих устремлений? Кто может их классифицировать? Кто может найти окончательное, всестороннее, абсолютное устремление? Кто может уложить человека в формулу, или в границы, или в слова? И может ли кто описать окружность вокруг человеческих устремлений, человеческих проблем, человеческих достижений?

С какой стороны на него ни смотреть, человек бесконечен, бесконечен своею таинственностью. И сердце всякого мученика мысли невольно соглашается с Негошем³ и повторяет с ним:

Со всех сторон взгляни на человека,
Как хочешь рассуждай о человеке —
Человек для человека — тайна наивысшая⁴.

Как радуга, растянут человек по небу жизни; концов его не видно; одним концом он погружен в материю, другим — в сверхматерию, в дух. Он представляет собою лестницу от минералов к духу. Он переход из материи в дух, и обратно — переход из духа в материю.

«Я тело и только тело», — говорит Ницше. Не говорит ли он этим: «Я тайна и только тайна?» В человеческом теле слишком много брэнного, и оно постепенно разру-

³ Петр II Петрович Негош (1813–1851) — правитель Черногории, митрополит. В историю сербской культуры вошел как выдающийся поэт и просветитель. (Прим. ред.)

⁴ Негош П. П. Луча микрокосма // Целокупна дела Петра II Петровића Његоша. Књ. III. Београд, 1977. С. 139. (Прим. ред.)

шается, пока смерть совсем не разрушит его, не испепелит и не смешает землю с землею. А Арцыбашев⁵, страстный поклонник плоти, как и Ницше, стоит, задумавшись «у последней черты», стоит у разлагающегося человеческого тела и провожает его в землю библейскими словами: *земля еси и в землю отидеши* (Быт. 3, 19).

«Я тело и только тело»... Но скажите мне, отчего неспокоен дух в человеке? Из-за чего он постоянно отрывается от тела и через бесчисленные вопросы прорывается к чему-то зателесному, надтелесному и бестелесному? Не потому ли, что в теле с пятью чувствами он ощущает себя, как в темнице, запертой на пять замков? Данное Ницше определение человека ни в коем случае не исчерпывает тайну человека. Не исчерпывает ни тайны его духа, ни тайны его тела. И дух, и тело подобны загадочным иероглифам, которые мы с трудом читаем по складам и, возможно, читаем ошибочно. Мы знаем одно: мы исчерпывающе не знаем ни природу тела, ни природу духа. Человек не может ответить не только на вопрос: что есть дух, но и на вопрос: что есть материя. Дух в теле не ощущает ли себя, как мышь в мышеловке? И тело в духе не ощущает ли себя, как птица, пойманная в крепкую сеть? Дух — тайна для самого себя и для материи, но то же касается и материи. Реальность материи не менее фантастична, чем реальность духа. Природа материи и духа скрывается в бездонных глубинах неизведанных бесконечностей.

Из таинственного брака материи с духом родился человек. Бесконечность и посреди его, и окружает его и с одной, и с другой стороны. Поэтому жизнь человека похожа на страшный сон, бесконечный сон, который снится материи в объятиях духа. И, как в любом сне, реальность ему показана, а не логически доказана. Человек не имеет границ. Границы его тела ограничены материей, а чем ограничены границы материи? Человек ощущает и сознает себя человеком, а не знает своей сущности;

⁵ М. П. Арцыбашев (1878–1927) — писатель, представитель натуралистического направления, проповедовавший аморализм (прим. ред.).

человек воспринимает себя как реальность, а не знает сущности воспринимаемой реальности.

Мы не знаем человека. Если смотреть на дух со стороны тела, он выглядит насмешкой над телом, если смотреть на тело со стороны духа, оно выглядит упорным сопротивлением духу. И сами чувства заставляют дух переступать границы тела. Всюду бездны: бездны около каждого из пяти чувств, около каждой мысли, около каждого ощущения. Бездна на бездне и бездна над бездной, и нет нигде верной почвы, на которой бы несчастный человек мог крепко встать. Постоянное падение, непрестанное падение к некоему дну, которого, может быть, и не существует; постоянное головокружение... И человек ощущает себя бессильным, словно отчаяние достигло в нем своего совершеннолетия.

«Будьте верными земле...» — бредит европейский человек, бредит Ницше, в то время как земля со всех сторон окружена жуткими безднами. Земля... Что такое земля? Один мой приятель проскрежетал зубами и сказал: «Земля — сгнивший мозг в черепе некоего чудовища; я полночь ношу в зрачке своем, не полдень; земля — совершеннолетие ужаса; смотря на землю и, увы, живя на ней, разлагается душа во мне, разбуженном над безднами...» Страшно быть человеком...

Малые тайны по спирали перерастают в большие, а большие в величайшие. Человек из упрямства может отрицать бесконечность, но только не бесконечность тайны. Отрицать это было бы не упрямством, а намеренным безумием. Тайнственность мира бесконечна. И все в мире, без сомнения, бесконечно своею таинственностью. Не признавать это — не значит ли иметь недалекие мысли и лелеять чахоточные ощущения; не значит ли думать и не хотеть додумать до конца, чувствовать и не желать прочувствовать до края? Тайна страдания, тайна боли, тайна жизни, тайна смерти, тайна лилии, тайна серны, тайна твоего ока — разве эти тайны не бесконечны?

Все погружено в несказанную мистерию. У каждой твари есть один нимб — бесконечность. Если в чем и присутствует вся истина, то она присутствует именно

в этой мысли: всякая тварь — символ бесконечности. Эту истину ощущает всякий, кто хотя бы однажды погружался в тайну хоть какой-нибудь твари. В этой всеобщей таинственности достигается только одно: единство посюстороннего и потустороннего. В вопросах и удивлении человек, несомненно, посюсторонне-потусторонен. Зло в этом мире толкает человека к иному миру. Страдание превращает тело человека в знак вопроса, который выпрямляется, обращенный к тому миру, и от напряжения превращается в восклицательный знак.

Этот тесный мир есть вопрос, который не может разрешиться сам собою. Неустойчиво человек ощущает себя на границе двух миров: посюстороннее тянет к себе, потустороннее — к себе, а бедный человек между ними спотыкается и падает. Человек — до ужаса загадочное существо: он находится на перепутье, на водоразделе между тем и этим миром. Кажется, он призван быть связующим суставом посюстороннего с потусторонним. И он пытается им быть: через науку и философию, через поэзию и религию, особенно через религию.

Через религию человек всеми силами пробует выстроить мост над пропастью между посюсторонним и потусторонним, между видимым и невидимым, между чувственным и сверхчувственным, чтобы стало возможным органичное единство этого мира с иным. Через религию человек пытается найти свое равновесие во вселенной, чтобы не переоценить потустороннее в ущерб посюстороннему и, наоборот, посюстороннее в ущерб потустороннему. Это не роскошь, но самая необходимая необходимость; это не нечто неестественное, а, напротив, составляющее саму сущность природы человека. Есть нечто в человеке, что не может уложиться в этот трехмерный мир, в категории времени и пространства. Это и есть то, что находит свое выражение и свой язык в религии. Через религию человек побеждает геоцентризм и пробует аппироцентризмом⁶ преодолеть эгоизм.

⁶ Ориентация на мир окружающих явлений (от англ. *to appear* — являться) (*прим. ред.*).

Содержание

<i>От редактора</i>	5
<i>От издателя</i>	8
Предисловие	13

I. АГОНИЯ ГУМАНИЗМА

Средоточие трагизма.....	17
Европейский человек на раскаленном перепутье.....	24
Прогресс в мельнице смерти.....	32
Высшая ценность и непогрешимый критерий.....	60
Меж двух философий.....	86
Невидимое в видимом (тайна добра и зла).....	99
Страшный суд над Богом.....	119

II. РАДОСТИ И ГОРЕСТИ МЫСЛИ И ОЩУЩЕНИЯ

Мой рай и мой ад (смысл жизни и мира).....	129
Скорбно и для херувимских сердец	136
Осужденные на бессмертие	142
Вопль о Христе.....	147

III. ВОДОРАЗДЕЛ

Метерлинк перед великой тишиной.....	159
Достоевский как пророк и апостол православного реализма.....	172
О рае русской души	187
На водоразделе культур	196
Пасха и сербские бессмертные	215
О неприкосновенном величии человека.....	222

IV. СКОРБИ И ЖЕЛАНИЯ

Роение бесконечностей.....	236
На террасе атома	243
Бунт клещей	249
Вниз по шумному водопаду времени.....	257
Она — неодолимая обольстительница	266
Серна в потерянном рае. Исповедь	270

**Преподобный Иустин
(Попович)**
ФИЛОСОФСКИЕ ПРОПАСТИ

Редакторы
*Екатерина Якушкина,
Алексей Дунаев*

Технический редактор
Зинаида Кондрашова

Корректор
Екатерина Пятаева

Верстка
диакон Александр Жуков

Подписано в печать 14.03.2005.
Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 17,5.
Тираж 10 000 экз. Зак. №

Издательский Совет
Русской Православной Церкви.
119435, Москва, Погодинская ул., д. 20, корп. 2.

Отдел реализации:
(095) 246-20-85